

Авансы и долги 1997 года

(Окончание. Начало на стр.2)

Неплатежи страшны еще и тем, что заводы и фабрики, не получая денег, лишаются возможности собирать денежные отчисления в амортизационные фонды — на закупку новой техники, станков и оборудования. Все, что мы унаследовали от СССР, только зетшает да изнашивается. А о переходе на современные технологии и говорить не приходится.

Но как преодолеть бич неплатежей? Это не удалось сделать с 1992 года. Да и в поиске их причин мнения разнятся. Например, глава Федерального управления по делам несостоятельности (банкротств) Петр Мостовой, как и министр финансов Александр Лившиц, уверены: дело в том, что у нас продолжают жить убыточные производства, которые потребляют сырье и энергию, но не в силах продать свой товар. А значит, и рассчитаться по долгам.

На это накладывается скверное качество управления предприятиями после приватизации. Когда их начальство, став даже совладельцами заводов, предпочитают перекладывать деньги массой способов в «побочные» структуры — банки и торговые фирмы, в офшорные компании. А потому нужно запускать механизм банкротств. Плюс к сему — начинать и реформу предприятий, сделав их более открытыми для инвесторов и более подотчетными для акционеров. Ведь, увы, мы начали приватизацию и акционирование прежде, чем написали законы об акционерных обществах и о банкротстве.

Но есть и другая точка зрения: предприятия не могут платить друг другу деньгами, потому что: а) либерализация цен съела их оборотный капитал и у них просто нет денег — даже у самых лучших и конкурентоспособных; б) рублей в экономике России не хватает физически. И если заплатить налоги да выдать зарплату — остановится производство.

Действительно, первый вице-премьер из банкиров Владимир Потанин говорит о том, что дефицит рублевой массы неизбежен при политике финансовой стабилизации. А директора, например, атомных электростанций жалуются: производя самую дешевую в стране энергию, мы получаем деньгами всего 5-10 процентов. Остальное — бартером, «натурой». Вот почему раздаются голоса, предлагающие подпечатать денег. Но А. Лившиц и В. Потанин резко против: это приведет к тому, что напечатанные рубли хлынут в производство, а в финансовые спекуляции с валютой да на потребительский рынок, вызвав инфляционную катастрофу. Их опасения пустыни не назовешь: при нынешнем скверном правлении предприятиями, когда директорам выгоднее их обворовывать, а не производство поднимать, такой вариант более чем вероятен.

Предложен и третий путь — пустить в оборот некую параллельную «промышленную валюту», которую невозможно положить в карман или увести на валютную биржу. И будет она обслуживать лишь промышленный оборот. Ведь есть циклы, в которых действительно можно в значительной степени обойтись без обычных рублей. Скажем, поставка горючего ТЭКом для армии. Даже если она идет целиком за обычные рубли, нефтяники и переработчики все равно должны платить налоги на содержание войск и флота. И если выпустить «энергорубли» (как предлагает глава Федеральной энергетической комиссии Ю. Корсун) или «энерговексели» (за что ратует шеф Минтопэнерго РФ П. Рбдионов), то энергетики сумеют оплатить ими часть налогов государству, а оно отдаст такие

«промденеги» Минобороны. При этом военные будут просто вынуждены оплатить ими поставки горючего и энергии. «Прокрутить» такие сверхденеги в банках или украсть невозможно. Но на пути использования такого механизма борьбы с неплатежами стоит и МВФ, требующий отката от «денежных суррогатов», и экономический блок Правительства.

Вот и выходит, что пока напасть неплатежей не побеждена. Будет ли решена эта проблема в наступающем году? От этого зависят и перспективы жизненно важного для нас индустриального подъема.

Тяжесть непроизводительных «кандалов»

Второе, от чего зависит промышленный подъем, — это снятие с отечественной индустрии бремени непроизводительных расходов. Почему заводы наши не имеют средств на перевооружение? И почему их продукция приближается к мировой цене (а то и превосходит ее)? Ведь зарплата наших рабочих в несколько раз уступает зарплаткам западных. Причина в том, что наши предприятия с советских времен содержат свое жилье, свои школы, поликлиники и даже целые сформировавшиеся на их базе города. В то время как наши конкуренты в Европе, Америке и Азии таких забот лишены.

Выход один: снять с предприятий бремя содержания этой гуманитарно-бытовой сферы, передав ее на содержание местных властей, которые для этого должны средства из федерального бюджета получать, и брать с жильцов бывших ведомственных домов истинную (то есть — высокую) плату за коммунальные услуги.

Между тем средств на это в бюджете-97 заложено недостаточно. И, как заявил председатель Ассоциации регионов Центральной России (и глава Ярославской администрации) А. Лисицын, тем самым предопределяются немалые трудности. Тем более, что работники предприятий, с которых снимают «социалку», не могут похвастаться великими зарплатами. Подчас и их не получают по несколько месяцев. И потому освобождение промышленности от «непроизводительных кандалов» должно идти параллельно с перестройкой политики на рынке труда, с преодолением кризиса неплатежей. А это — очень трудная задача.

Однако и этим дело не исчерпывается. Придется снимать с предприятий еще и бремя завышенных тарифов на электричество, тепло и железнодорожный транспорт, ибо

последствия пагубны. Первыми забили тревогу газовики и энергетики — предприятия перестают им платить. Непосильные тарифы угнетают индустрию страны, и это подавляет возможность развития топливно-энергетического комплекса. Ведь расти ныне он может лишь за счет внутреннего рынка — возможности наращивания экспорта почти исчерпаны.

Поэтому в 1997 году начнется весьма трудная работа: снижение энергетических тарифов для промышленности за счет повышения их для частных лиц. Пока конкретные сроки и цифры рассчитываются в Минэкономике и Минстрое РФ. Ясна и цель: возродить хотя бы прежние, советское соотношение, когда заводы платили за киловатт-час вдвое меньше граждан-квартиросъемщиков, отказавшись от нынешней схемы «население платит за кВт. час втрое меньше промышленности».

Отсюда вырастает целый куст вопросов, требующих одновременного решения. Скажем, отлаживание системы жилищных субсидий для малоимущих, установка счетчиков расхода воды и газа для каждой квартиры (при полной непригодности для этого наших домов советской постройки), внедрение ресурсосберегающих технологий и обуздание монопольных аппетитов коммунальных служб. При решении задач регуляторной выдачи зарплат и борьбы с неплатежами, конечно. Мы практически не занимались жилищно-коммунальной и тарифной реформами в предыдущие годы. Теперь пора отдавать долги. Иначе прости-прощай надежды на экономический подъем!

Недостаток возможностей бюджета диктует на этом пути ряд малопопулярных решений. Например, пересмотр и временную отмену многих льгот для разных категорий граждан. К примеру, приостановление действия Закона «О ветеранах» — дело почти решенное. Да оно уже и произошло на местах явочным порядком.

Создадим ли («тягу» в экономической («топке»)?

И уж совсем немислим подъем производства без помощи государства. И в Германии, и в Японии правительства не скупятся на помощь предпринимателям.

О запуске подобных процессов у нас говорят давно. Авансов и долгов наделали мы успели. За 1995-й федеральная инвестиционная программа была профинансирована всего на 63 процента. В прошлом году — едва на тридцать. Программа же конверсии-96 — всего на 5 процентов! Помощь государственными рублем отобранным на конкурсе инвестиционным быстрокупаемым проектам — всего на 5,2 процента. В 1997 году бюджетные инвестиции снижаются на целых 60 процентов.

На 1997 год планируется задействовать двухсоттрллионный «бюджет развития», имея в виду не столько государственные средства, сколько деньги регионов, предприятий. Размах масштабный, хотя вполне обоснованные расчеты ведомств говорят о минимуме шестистах триллионах (все иностранные инвестиции в Россию 1996 года составили, по данным Минэкономки, всего лишь 4 млрд. долларов, или около 20 трлн. рублей). Выполнение этих планов потребует от Правительства железной выдержки. Главное — не сломаться, не перебросить средства для вложения в иные сферы. Разрешив заодно и кризис неплатежей — ибо иначе сломаются инвестиционные планы предприятий, компаний и регионов.

Впрочем, чудес в 1997-м ждать еще не приходится. Ведь прежде всего средства пойдут в быстрокупаемые (за 1,5-2 года) проекты. Не от хорошей жизни, конечно, а от скудости казны. Так что пока придется подождать самому передовому отряду отечественной промышленности — аэрокосмической и оборонной. Ибо там проекты могут давать отдачу куда медленнее. Вообще планируется, что к 2000 году объем инвестиций в экономику достигнет примерно 40 процентов от уровня 1990 года. И потому вице-премьер О. Лобов опасается, что роста с такими вложениями мы не добьемся. (В 1996 г. объем вложений в индустрию должен был составить 26 процентов от 1990 года). Правда, профессор Е. Ясин заверяет, что новые инвестиции будут в 1,7-1,8 раза эффективнее советских.

Наконец, надо мобилизовать сбережения наших сограждан, побудив их менять доллары «в чулке» на рубли. А еще лучше — на акции предприятий и облигации займов под

запуск выгодных промышленных проектов. (Или — под жилищное строительство). Однако такие механизмы до сих пор почти не использовались. В 1994-м, году относительной стабильности, сбережения граждан России были отданы на растерзание лукавым строителям акционерных «пирамид». Они потекли в карманы мошенников, вместо того, чтобы потечь в реальный сектор экономики. Самое обидное — «пирамидальная» эпопея-94 здорово подорвала веру народа во всякого рода ценные бумаги, и массы бросились хранить сбережения в долларах США. Так что привлечь их снова, но уже в настоящие, гарантированные государством акции и облигации будет весьма нелегко.

Время тысячи дел

Таков лишь самый общий абрис задач, встающих перед Россией в наступающем году. По словам премьера В. Черномырдина, 1997-й станет первым годом нового четырехлетнего плана развития страны. К концу периода необходимо достичь ежегодного роста валового внутреннего продукта не ниже 5 процентов, и инфляции — не более 5-8 процентов в год.

Путь к цели лежит через тысячу терний. Помимо обрисованных нами задач, перед Правительством встает много других. Ведь начинается вторая и самый трудный этап реформ — создание новой реальности после разрушения старой. И мелочей здесь нет. Конструирование нового мира сродни постройке сложной ЭВМ. В системе рынка отсутствие даже одной детали уподобится выходу из строя узла сложнейшей машины.

Возьмем, например, великую надежду на переток банковских капиталов в реальный сектор при снижении ставок по кредитам. Ведь для того необходимо еще несколько моментов. И первый — это реформирование судебной системы, превращение ее в четко и быстро работающий механизм. Только так банкир и вкладчики банков будут уверены в том, что их кредиты возвратятся. В том, что им не придется прибегать к помощи «крутых» вышибал, рискуя при этом тоже получить либо пулю в затылок, либо бомбу в офис. Однако пока наша судебная система работоспособна весьма условно. За пять лет состояние ее даже ухудшилось, финансирование судов — скверное, зарплата судей — нищенская, а их защищенность от посягательств преступников сравнима с листком папиросной бумаги перед лезвием ножа.

Во втором периоде огромную роль должна сыграть такая «неэкономическая» субстанция, как государственная власть. Дотеле мы многое сделали, чтобы ослабить и запутать ее, изведя в ее системе контроль, дисциплину и ответственность. А ныне от этих категорий зависит успех реформ. Именно власть должна гарантировать инвесторам то, что их деньги не будут разворованы, а процесс вложений в предприятия (да и банкротство их) не превратится в череду гангстерских стычек и «войн».

Словом, 1997 год открывает сложный и ответственный период. Уже нельзя жить по принципу «За низкую инфляцию заплатим любую цену». Наше Правительство столкнется с тысячей неотложных дел, которые нужно сделать аккуратно и в срок. Давайте расстанемся с иллюзиями насчет быстрого успеха. Помните гайдаровское: потерпим семь-восемь месяцев? Ведь ныне нужно не ломать, а строить. Наспех, кое-как этого делать нельзя.

Владимир КУЧЕРЕНКО,
«Российская газета».
(Публикуется в сокращении)

они зачастую превышают мировые расценки. Так получилось из-за того, что для населения установлены льготные тарифы, убыточные для производителей. А разницу берут с предприятий, завышая тарифы для них. Пассажиры перевозок субсидируются за счет перевозок промышленных грузов, парализуя тем самым индустрию зауральных регионов. И точно так же с жильем: мы в среднем оплачиваем лишь 40 процентов от стоимости его содержания. Остальное — а это свыше ста триллионов рублей по стране — приходится брать с предприятий, опустошая их налогами. Тем самым мы лишаем их возможности инвестировать в производство самостоятельно и одновременно отбираем возможность инвестиций у государственного бюджета.